

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ Н.А.БЕРДЯЕВА

Николай Александрович Бердяев (1874 – 1948) – выдающийся русский философ, один из лидеров религиозной философии Серебряного века. Его часто называли «властителем дум XX в.»

Говоря о философии культуры начала XX в., многие авторы, в том числе М.С.Каган, отмечали, что в отечественной философии концептуальные построения вдохновлялись прежде всего исканием смысла жизни, смысла истории, цели существования и назначения человека. Представители русской религиозной философии, опираясь на богословскую и литературную традицию и чутко реагируя на кризисное положение современного духовного мира, стремились утвердить в нем в качестве важнейших гуманистических ценностей веру в неуничтожимость культуры и ее великую духовно-возрождающую силу, которая воплощает в себе духовное всеединство мира, а также веру в свободную творческую личность, оживотворяющую всечеловеческую идею культуры.

Именно через культуру, по их мнению, в жизнь человека входит высший смысл и цель существования, устанавливается гармоническая связь между личностью и человечеством в их приобщении к духовной сущности мира [1].

Наиболее полно такое представление на культуру, культурный процесс выразил в своем творчестве Н.А.Бердяев – один из самых ярких представителей русской религиозной философии начала XX в.

Он с удивительной точностью сумел предсказать на заре техногенной эры, что ожидает человечество на закате этой эры. Он стал величайшим гуманистом своего времени, возвысил свой голос в защиту свободы и достоинства личности. При этом свободе Бердяев придает онтологический статус, признает ее первичность в отношении природного и человеческого бытия, его независимость от бытия божественного. Более того, богочеловеческие отношения неразрывно связаны с проблемой свободы. И он объявляет, что человеческая свобода имеет абсолютное значение.

Сильная сторона его философии – публицистичность, эмоциональность изложения – он изобличает, учит, призывает.

Бердяев – философ-персоналист, моралист. Много работ посвящено проблеме сущности и существования человека, социальной проблематике. Бердяев также выступает в роли оригинально мыслящего теоретика культуры.

Корни и исток культуры он видит в культе. Недаром у этих слов один и тот же корень. Бердяев говорит, что культура символична по своей природе, а символизм культура получает от культа, в котором символ

играет основополагающую роль. Культура, по Бердяеву, несет на себе отпечаток сакрального, ибо «вокруг храма зачалась она и в органический свой период была связана с жизнью религиозной. [2. – С.411]

И культура, по Бердяеву, относится к числу благородных феноменов, во-первых, потому, что изначально связана с религией, но во-вторых, потому, что ее основу составляют культ предков, почитание могил и памятников, священные предания и легенды, которые передаются от поколения к поколению. Культура обеспечивает связь времен, и чем она древнее, тем она прекраснее, ибо аккумулирует в себе все самое лучшее, что было выработано тем или иным народом, нацией на протяжении многих столетий.

«Культура, - пишет Бердяев, - всегда гордится древностью своего происхождения, неразрывной связью с великим прошлым. И на культуре почиет особого рода благодать священства. Культура, подобна Церкви, более всего дорожит своей преемственностью. В ней нет хамизма, нет пренебрежительного отношения к могилам отцов. Слишком новая, недавняя культура, не имеющая преданий, стесняется своего положения. [2. – С.249]

Культура, будучи аристократичной по своей природе, основана, по Бердяеву, «на принципе качественного отбора». Бердяев говорит, что творцы культуры всегда стремятся к совершенству, к достижению высшего качества и в научном познании, и в искусстве. Для культуры, говорит Бердяев, высшими абсолютами являются истина, красота, правда, любовь, добро, и только тот, кто принимает их как ценности собственного бытия, является истинно культурным человеком. То, что создается культурой, подчеркивает Бердяев, создается не для одного, а для многих поколений. Творения культуры вечны, в отличие от тех подделок, которые создаются для того, чтобы сделать жизнь человека более удобной и комфортной.[2. – С.249]

«В культуре происходит великая борьба вечности со временем, великое противление разрушительной власти времени. Культура борется со смертью, хотя бессильна победить ее реально... Культура, в которой есть религиозная глубина, всегда стремится к воскрешению» [2. – С.249] В качестве примера Бердяев берет культуру Египта, где идея вечного круговорота, неизменного воскрешения после смерти является базисной не только для религии, но и мифологии, искусства, морали.

В культуре, говорит Бердяев, изначально борются два начала – консервативное, обращенное к прошлому и творческое, обращенное к будущему, но в то же время Бердяев считает, что в культуре отсутствует революционное начало. Когда общество вступает в эпоху революционных катаклизмов, для культуры наступает черная пора. Базисные основания культуры расшатываются и она гибнет. Революция духу культуры не нужна, так как она стремится овладеть благами цивилизации, а не

достижению вершин духа. В результате революционных преобразований возникновение нового типа культуры не происходит, ибо нарушается принцип преемственности, наследования культурных ценностей. Поэтому все попытки создания пролетарской культуры, коренным образом отличающийся от культуры буржуазного общества обречены на провал и обречены на провал, по Бердяеву, все попытки приобщить к культуре широкие народные массы.

И далее Бердяев утверждает, что процессы демократизации общественной жизни самым негативным образом сказались на состоянии культуры, уровень которой стремительно падает по мере того как все большее число людей получают избирательные права, образование, необходимое для выполнения их профессиональных функций, и, отсюда, возможность влияния на процесс создания, распространения и потребления культурных ценностей. Он говорил: «Закрывание аристократических источников культуры есть иссякновение всяких источников».[2. – С.252] Сохранение слоя тех, кто способен созидать подлинные ценности культуры, является, по Бердяеву, условием процесса развития культуры. Большое место в творчестве Бердяева отводится проблеме соотношения культуры и цивилизации. В отличие от О.Шпенглера, который считал цивилизацию итогом развития культуры, Бердяев видел основную ошибку Шпенглера в том, что он не понял главного, что цивилизация и культура не есть две исторические эпохи, а два качественно различных состояния общества, существующих в один и тот же момент времени. При этом цивилизацию Бердяев воспринимает крайне негативно, она, по его мнению, несет в себе яд и неправду. Цивилизация, по Бердяеву, это промежуточное состояние общества. Она находится между «царством природы и царством свободы». Цивилизация возникает в результате установления социального неравенства и угнетения, эксплуатации человека человеком, в результате подчинения индивида технике, которая заставляет его строить жизнь на основе принципа технической рациональности. «Цивилизация, - говорит Бердяев, - обещает освободить человека, и, бесспорно, она дает орудия освобождения. Но она так же есть объективация человеческого существования и потому несет в себе порабощение».[3. – С.72] Отсюда негативное отношение Бердяева к цивилизации. Он говорит, что и Руссо и Л.Толстой, так же выступали против цивилизации. Бердяев подчеркивает, что цивилизации противостоит культура. И «суд над цивилизацией не может совершить природа, его может совершить только дух».[3. – С.71] Цивилизация, как промежуточное состояние общества, находится, по Бердяеву, между «царством природы и царством свободы», и в этом отношении Бердяев глубже понимает исторический процесс, нежели французские мыслители XVIII в. (Например, Руссо, который звал человечество «назад к природе»). Напротив, Бердяев считает, что от

цивилизации движение человечество должно совершить к свободе. Тяга же к природе у многих философов, есть, по его мнению, не что иное как стремление избавиться от «раздробленности» окружающего мира через слияние с первоосновами природного бытия. Но в настоящее время, считает Бердяев, решение этой проблемы возможно только через свободу. Ибо только через свободу человек способен обрести свою целостность. Бердяев резко критикует апологетов цивилизации, которые в защите своих корпоративных интересов обвиняют рабочий класс в варварстве, которое сами же капиталисты порождают, отнимая у рабочих все блага цивилизации и все ценности культуры. Поэтому «нет ничего противнее буржуазной защиты цивилизации». [3. – С.72]

Индустриальная техническая цивилизация суть, по Бердяеву, «цивилизированное варварство», поскольку в ней осуществляется варварский принцип «кто силен, тот и прав». Истинное же преобразование души человека совершается только тогда, когда человек как субъект истории выходит в мир культуры, приобщается к высшим духовным ценностям. [4. – С.72]

Цивилизация как социальный организм, считает Бердяев, может идти по пути как прогресса, так и регресса и если развитие идет по пути регресса, то неизбежно наступает кризис цивилизации и ее гибель. Причиной гибели цивилизации Бердяев считает «вторжение масс». И под «массой» он понимает общность людей, у которых «не выражена личность, нет качественных определений, но есть большая возбудимость и психологическая готовность к рабству». [4. – С.73] И масса, по Бердяеву, - это не народ. Народ всегда имеет свою культуру, а масса – нет. Она темна, ею движут инстинкты, и, в первую очередь, инстинкт агрессии, поэтому она очень опасна не только потому, что навязывает свои ценности всему обществу, но и потому, что из нее вербуются фашистские банды, террористы. Вот эти мысли Бердяева имеют для нашего времени свою значимость, т.е. проясняют нам откуда берутся террористы и экстремисты и кто их поддерживает. И далее, Бердяев исследует взаимоотношения культуры и цивилизации. Указывает, прежде всего, на латинское слово «цивилизация», указывает на социальный характер определяемого этим словом процесса. Цивилизацией следует назвать более социально-коллективный процесс, культурой же процесс более индивидуальный и идущий вглубь... Культура означает обработку материала актом духа, победу формы над материей... Эпохой цивилизацию, по преимуществу, можно назвать как такую эпоху, в которой преобладающее значение получают массы». [4. – С.73-74]

Культура же не есть нечто застывшее. Она проходит в своем развитии несколько стадий: зарождения, цветения или высшего подъема, и упадка. При этом самым плодотворным периодом развития культуры является стадия увядания. «Осень культуры, - пишет Бердяев, - самая

прекрасная и утонченная пора. Поздние цветы культуры – самые изысканные цветы. В это время в культуре достигается наибольшая острота познания и наибольшая сложность... Приобретается острое знание и добра, и зла. Но воля к жизни, к ее устройению и развитию не имеет прежней цельности. Появляется утонченная усталость. Нет уже веры в прочность культуры в этом мире, в достижимость совершенства и красоты цветущей культуры».[5. - 253]

И далее, по Бердяеву, завершение одной культурной эпохи и начало новой сопровождаются катаклизмами, потрясениями и возникновением социального типа личности с расщепленным сознанием, не способной совершить акт культурной индентификации. И в этот период возникают апокалипсические настроения, ощущение завершенности истории, затерянности в мире, которая воспринимается чуждым и враждебным. Нечто подобное происходит с европейской культурой, которая полностью исчерпала себя и быстро движется к закату. «Она, - по мнению Бердяева, - отходит все дальше и дальше от своих творческих источников, делается все более и более отвлеченной, все менее онтологической по своему характеру». [2. – С.254] Таким образом, европейская культура, считает Бердяев, становится все более варварской и грубой. Она теряет свою изысканность, превращаясь в массовую культуру, способствующей пробуждению низменных инстинктов и желаний. Нынешней европейской культуре, по Бердяеву, грозит «внутреннее» и «внешнее» варварство. «Внутренним варварством» Бердяев называет революционное движение, а под вторым он понимает варварство, проявившееся в первой мировой войне, обнаружившей факт, что за тонкой оболочкой культуры у европейца скрыта его звериная сущность питекантропа, испытывающего удовлетворение от убийств и теряющего рассудок при запахе крови. Сегодня, подчеркивает Бердяев, мир культуры все более отдаляется от реального мира, где действуют, живут, любят, совершают различные поступки индивиды, ощущающие, как и создатели культурных ценностей, неудовлетворенность культурой. [2. – С.251]

Но этот кризис может восприниматься не всеми, только выдающиеся личности могут это осознавать. «Кризис культуры, - говорил Бердяев, - по характеру своему есть кризис аристократический, а не демократический» ибо «не в политике, не в экономике, а в культуре» осуществляются цели общества. И высоким качественным уровнем культуры измеряется ценность и качество общественности». [2. – С.252]

В работе «Смысл истории» Бердяев говорит о том, что человечество вступило в XIX-XX вв. на новый этап своего развития, когда оно вступило на дорогу машинного производства, техногенную цивилизацию, которую Бердяев называет «революцией» (а это для Бердяева ругательное слово), которая положила начало кризису рода человеческого, связанного

с вхождением этой самой машины в жизни человеческих обществ. Ведь машина, по Бердяеву, радикально меняет отношение между человеком и природой. Машина не только покоряет природу, она покоряет и самого человека, порабощает его, разлагает его природные формы, она подвергает человека процессу расчленения, разделения в силу чего человек перестает быть природным существом. При этом истощаются творческие силы человека, колеблется и разлагается образ человека, личность человека, что ведет к потере человека, расшатыванию человеческой индивидуальности. И гуманизм переходит в антигуманизм. [4. – С.120-121] Человечество, по Бердяеву, к концу новой истории, в период кризиса гуманизма переживает глубокое одиночество, покинутость, оставленность. Начался, по мнению Бердяева, «роковой процесс внутренней порчи, раздвоения, нарастания катастрофы, вулканического извержения истории, и возврата к тому прекрасному гуманистическому царству уже нет. **Невозможен возврат к гуманистической морали и искусству. Произошла, по мнению Бердяева, непоправимая катастрофа в судьбе человека..., катастрофа человеческого самоотрицания.** Эти мысли Бердяева были изложены им в начале 20-х годов XX в. Прошло почти 100 лет, а то, что с нами теперь происходит очень похоже на то, о чем писал в свое время Н.Бердяев. Сейчас человечество живет на переломе исторических эпох, в условиях «расцвета» цивилизации, которую сам философ характеризует как конец культуры. Цивилизация, - пишет Н.А.Бердяев, - есть переход от культуры, от созерцания, от творчества ценностей, к самой «жизни», искание «жизни», отдавание себя ее стремительному потоку, организация «жизни», упоение силой жизни. [4. – С.167] Большая философия и большое искусство, как и религия не нужны более. И в самом деле. Теперь люди заражены материальной жизнью. Как охарактеризовать психологию современного жителя планеты? Вещизм, утилитаризм, отрицание морали, жестокость, бездуховность? Бердяев, опережая время, пишет: «В цивилизации неизбежно господствует экономизм, цивилизация по природе своей технична, в цивилизации всякая идеология, всякая духовная культура есть лишь надстройка, иллюзия, не реальность. [4. – С.167] В качестве примера здесь может служить Конституция РФ, где в ст.13, пункт 2 записано: «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». А потом началась возня, поиск того, а что мы строим, какое общество, какой девиз у нас, который побуждает наш народ к деятельности? И стали судорожно утверждать то «православие», потом вспомнили про «державность». А Бердяев пишет: «Призрачный характер всякой идеологии, всякой духовности изобличен. Цивилизация переходит к «жизни», к организации могущества, к технике, как подлинному осуществлению этой «жизни». Цивилизация, в противоположность культуре, не религиозна уже по своей основе, в ней

побеждает разум..., но «прагматический разум».[4. – С.168] Она, - пишет далее Бердяев, - реалистична, демократична, механична... «Цивилизация обезличивает. Освобождение личности, которое как будто бы цивилизация должна нести с собой, смертельно для личной оригинальности. Личное начало раскрывалось лишь в культуре. Воля к мощи «жизни» уничтожает личность. Таков парадокс истории. И сама жизнь в таком обществе делается все более и более технической. «Машина, - подмечает Бердяев, - налагает печать своего образа на дух человека. Цивилизация имеет не природную и не духовную основу, а машинную основу» здесь само мышление становится «техническим, всякое творчество и всякое искусство, приобретает все более и более технический характер». [4. – С.168]

И дух цивилизации, - по Бердяеву, - есть «мещанский дух, он внедряется, прикрепляется к тленным и преходящим вещам; он не любит вечности. «Буржуазность» и есть рабство у тлена, ненависть к вечному» и современному техногенному обществу присущи такие характеристики, которые в свое время им дал Бердяев: «Механистичность, техничность и машинность, которой противоположна органичность, космичность и духовность всякого бытия. И хотя современная цивилизация ставила перед собой задачу – накормить и напоить весь мир, со своей задачей не справилась. Сейчас на планете Земля около 1,5 миллиардов жителей находятся за границей бедности и погибают от голода и холода! И свой приговор цивилизации вынес Н.А.Бердяев в 20е годы XX в.: «Цивилизация бессильна осуществить свою мечту о бесконечно возрастающем мировом могуществе. Вавилонская башня не будет достроена. В мировой войне (имелась в виду I Мировая война, а затем была и II Мировая война и ужас Хиросимы и Нагасаки, да и в XXI веке война, по-сути, не прекращается, к этому добавляется такое уродливое явление, кстати сказать, - порождение современной цивилизации – терроризм) мы видим уже падение европейской цивилизации, крушение индустриальной системы, изобличение фикций, которыми жил «буржуазный» мир. Такова трагическая диалектика исторической судьбы». [4. – С.171]

В работе «Смысл истории» Бердяев рассуждает именно об исторической судьбе и о смысле истории. Бердяев говорит, что переход от культуры к техногенной цивилизации не обязателен. Более того, он подчеркивает, что **цивилизация не единственный путь перехода от культуры, с ее трагической противоположностью «жизни» к преображению самой «жизни». Но есть, по мнению Бердяева, другой путь – это путь религиозного преобразования жизни, путь достижения подлинного бытия**». [4. – С.173]

Бердяев считает, что в исторической судьбе человечества можно установить четыре эпохи, четыре состояния человечества: варварство,

культура, цивилизация и религиозное преображение. При этом философ считает, что эти четыре состояния не обязательно могут существовать во временной последовательности. Они даже могут сосуществовать, но это – разные направленности человеческого духа, но одно из этих состояний в ту или иную эпоху преобладает. Так, он напоминает, что в эллинистическую эпоху, в эпоху господства римской цивилизации родилась из глубины этого общества воля к религиозному преображению. И тогда в мир явилось христианство. «Оно явилось в мир прежде всего как преображение жизни, оно окружено было чудом и совершало чудеса. [Ибо] «Воля к чуду всегда связана с волей к реальному преображению жизни. Но, в исторической судьбе своей, христианство прошло через варварство, через культуру и через цивилизацию». Сейчас еще, по мнению автора работы «Смысл истории», верующая воля в чудо преображения жизни должна явиться и определить иной путь от угасающей культуры к самой жизни», чем тот, который испробован цивилизацией. «Религия не может быть частью жизни, загнанной в далекий угол. Она должна достигать того онтологически – реального преображения жизни, которое лишь символически достигает культура и лишь технически достигает цивилизация. [4. – С.173-174] Бердяев говорит, что быть может нам надо пройти через период «воздушной цивилизации».

В работе «Смысл истории» Бердяев разрабатывает методологический подход к изучению истории человечества. Здесь он разрабатывает свое понимание «исторического». Он пишет: «Историческое» есть некоторое откровение о глубочайшей сущности мировой действительности; о мировой судьбе, о человеческой судьбе как центральной точке судьбы мировой. «Историческое» есть откровение о ноуменальной действительности». И подход к ноуменально «историческому», по Бердяеву, возможен только через глубочайшую конкретную связь между человеком и историей, судьбой человека и метафизикой исторических сил. Человек и есть в высочайшей степени историческое существо. Человек находится в историческом и историческое находится в нем. И подлинную философию истории можно построить, по Бердяеву, на пути глубокого тождества между моей исторической судьбой и судьбой человечества, так глубоко родной мне. И далее: в судьбе человечества я должен опознать мою родную судьбу и в моей судьбе я должен опознать историческую судьбу. И только так, по Бердяеву, можно приобщиться к внутренней тайне «исторического», открыть величайшие духовные судьбы человечества. Сейчас теоретики философии науки при исследовании общественных явлений применяют метод «вживания» в ту историческую эпоху, в текст той или иной исторической эпохи, чтобы получить более или менее достоверное знание о том, как жили, как чувствовали себя люди в другое время. Можно

сказать, что Бердяев в своем понимании «исторического» подошел близко к методологии «вживания». В подтверждение этой мысли, приведем еще одно высказывание Н.А.Бердяева. «История, - пишет он, - опознается через историческую память как некоторую духовную активность, как некоторое определенное духовное отношение к «историческому в историческом познании, которое оказывается внутренне, духовно преображенным и одухотворенным». [4. – С.16] Следовательно, это не просто слепок с действительности, а попытка активного отражения этой действительности в сознании историка.

И далее Бердяев рассматривает важный аспект самого понятия истории. История, говорит он, есть не что иное «как величайшая духовная реальность» и это не простая фактология, не голый фактический материал». И история, по Бердяеву, опознается не как иначе, как через историческую память как некоторую духовную активность. Но эта историческая память, как «способ познания исторического», связана с историческим преданием, и вне его не существует и исторической памяти. [4. - С.16] И как бы предостерегая историков от ошибок познания истории, Бердяев подчеркивает, что отвлеченное пользование историческими документами никогда не дает возможности опознать «историческое». Ибо кроме работы над историческими памятниками нужна еще и преемственность исторического предания, с которым связана историческая память. [4. - С.16] Только здесь завязывается какой-то узел в глубине, связывающий духовную судьбу человека и духовную судьбу истории». [4. - С.16] Необходимо, по Бердяеву, переносить свою духовную судьбу во все великие эпохи для того, чтобы постигнуть их. И эта историческая память, которая заставляет нас внутренне приобщаться к «историческому», неразрывно связана с историческим преданием – историческое предание и есть эта внутренняя историческая память, перенесенная в историческую судьбу. [4. - С.16] И если бы, по Бердяеву, для индивидуального человека не существовало бы путей приобщения к опыту истории, то как жалок, пуст и смертен по всему своему содержанию был бы человек!

Но если человек в своей настоящей жизни, во многих духовных актах находит истинную реальность великого исторического мира через историческую память, через внутреннее предание, через внутреннее приобщение судеб своего индивидуального духа к судьбам истории, то он приобщается к бесконечно более богатой действительности, он тем самым побеждает тленность и малость свою, преодолевает свой бедный и суженный кругозор». [4. - С.17]

Даже в этих строчках об историческом Бердяев связывает это понятие с индивидуальным бытием отдельного человека, считая, что судьба отдельного человека неразрывно связана с человечеством, в их приобщение к духовной сущности мира. Ибо, исходя из его

персоналистской позиции, всякое общественное установление, всякий социальный институт должен как бы поверяться интересами личности. И Бердяев в своем творчестве обосновывает суверенитет личности. В работе «Философия неравенства» он критикует М.Штирнера за признание существования «единственного» «Ибо, - пишет Бердяев, - поистине его «единственный» лишен всякой реальности, «единственный» обобран, голым и нищим пущен по миру. «Единственный» лишен реальности «Я», реальности личности. Ибо личность есть онтологическая реальность, она входит в иерархию онтологических реальностей. Личность предполагает реальность других личностей и реальность того, что выше и глубже ее. Личности нет, если нет ничего выше ее». [5. – С.41] И здесь нет парадокса, так как ценность личности соизмеряется совокупным духовным опытом человечества. И далее, Н.А.Бердяев подчеркивает, что личность связана с универсализмом, а не с индивидуализмом». [5. – С.4] Более того, личность не может реализовать полноту своей жизни при замкнутости в себе, для себя. Человек – социальное существо, как говорил Маркс, «общественный человек», продукт общественного развития. И раскрыть себя как личность он может только в обществе. Но особенность человека, как личности заключается в том, что только он олицетворяет в себе эту социальность, ибо ни общество, ни государство, ни нация не являются личностями, поэтому, как говорит О.Т.Ермишин, человек как личность имеет большую ценность, чем они. [7. – С.110-111] Отсюда и право человеческой личности и ее долг отстаивать свое своеобразие, независимость, духовную свободу, осуществлять свое призвание в обществе. Но личность, по Бердяеву, категория духа, а не природы, и не подчинена ни природе, ни обществу, она не может быть мыслима как часть в отношении к целому, ибо личность есть целое и это основное определение личности. Личность противоположна миру объектов, она есть активный субъект, экзистенциальный центр, стать личностью есть задача человека. Личность не рождается от родителей, как индивидуум, она творится Богом и самотворится, она есть Божья идея о всяком человеке. И далее Бердяев подчеркивает, что личность выковывается в своем творческом самоопределении. Хотя в личности и есть бессознательная основа – стихийная, связанная с Космосом и Землей, но из этой основы рождается сознание и сверхсознание. [6. – С.213]

Человек, будучи «образом и подобием Божиим» и в то же время – он есть микрокосм, ибо в нем «дана разгадка тайны бытия – макрокосма». При этом, как Божья дитя, он не только свободен, он – единственный из живых существ наделен способностью творить, т.е. создавать что-то новое. В работе «Смысл творчества» Бердяев проводит мысль о человеке, который является сотворцом Бога в творении мира. «Творчество, пишет он, - не есть только борьба со злом и грехом, оно создает новый мир, продолжает дело творения. Закон начинает борьбу со злом и грехом,

искупление завершает эту борьбу, в творчестве же свободном и дерзновенном призван человек творить мир новый и небывалый, продолжать творение Божие». [8. – С.331] Таким образом, человек творит мир, сам выбирает свою судьбу и тем самым создает мир.

Итак, человеку присуща свобода, но она не носит абсолютного характера, хотя «свободу нельзя ни из чего вывести, в ней можно лишь изначально пребывать». [8. – С.12] И теме свободы Бердяев придает особое значение. Можно сказать, что свобода – главная, центральная идея всего его творчества. «Своеобразие моего философского типа, - пишет Бердяев, - прежде всего в том, что я положил в основание философии не бытие, а свободу... [Причем] в такой радикальной форме этого, кажется, не делал ни один философ. В свободе скрыта тайна мира, Бог захотел свободы и отсюда произошла трагедия мира. Свобода в начале и свобода в конце. У меня есть основное убеждение, что Бог присутствует лишь в свободе и действует лишь через свободу. Лишь свобода должна быть сакрализована».[6. – С.57] Таким образом, Бердяев убежден, что **свобода – это свобода духа человека, его сознания и самосознания.** В свободе, по Бердяеву, можно лишь, «изначально пребывать». Первая свобода – это нечто существующее до бытия и потому не может характеризоваться рациональным понятием, поэтому ее можно принять как факт мистического опыта. Бердяев выступает против такого понимания свободы, как свободы выбора между добром и злом, ибо при таком понимании свободы, по его мнению, человек как бы поставлен перед нормой, различающей добро и зло. Для меня, - говорит он, - свобода всегда означала то, «что [она] есть моя независимость и определяемость моей личности изнутри, и свобода есть моя творческая сила, не выбор между поставленным передо мной добром и злом, а мое созидание добра и зла... Я верил всю жизнь, что божественная жизнь, жизнь в Боге есть свобода, вольность, свободный полет, без - властие, ан - архия». [6. – С.61-62] И борьбу за свободу он понимал не как борьбу общественную, а как борьбу личности против власти общества». [6. – С.58] И далее он подчеркивает, что свобода не есть индивидуализм... Свобода не есть самоизоляция и самозамыкание. Свобода есть размыкание и творчество, путь к раскрытию во мне универсума». [6. – С.63] И человек не стремится к выгоде ибо, по Бердяеву, свобода выше благополучия. Безмерная свобода мучит человека, влечет его к гибели: и человек дорожит этой мукой и этой гибелью. Отсюда и страдальческое странствование человека на путях своевольной свободы. **Свобода тогда, когда она выступает как произвол и насилие, свобода безбожная не может не породить «безграничного деспотизма».** Именно такая свобода, по Бердяеву, заключает в себе величайшее насилие и не несет в себе гарантий свободы, перерастая в насилие. И это – путь революционной свободы, в ней, говорил Бердяев, совершается отречение от свободы человеческого духа

во имя «принудительной организации социального счастья». Такая свобода, перешедшая в своеволие, ведет ко злу, зло – к преступлению, преступление с внутренней неизбежностью к наказанию. Зло, таким образом, есть по Бердяеву, дитя свободы: зло заложено в глубине человеческой природы, в ее иррациональной свободе; зло связано с личностью, только личность может творить зло и отвечать за зло. А зло не внешне карается (хотя можно возразить здесь Бердяеву, ибо зло карается и внешне - силою закона), а по Бердяеву, зло имеет неотвратимые внутренние последствия, то есть ведет к разрушению личности. С этим, однако, нельзя не согласиться, ибо утеря совести, жалости (сострадания) и благоговения, по Соловьеву, как той нравственной первоосновы, на которой жидется вся нравственность, есть потеря человеческого в человеке.

Бердяев выступает в этом вопросе против христианского учения о том, что источником зла в мире является человек, совершающий грехопадение. Здесь Бердяев выступает против такого понимания человека как простой твари. Человек, напоминает Бердяев, - не простая тварь в ряду других тварей, потому, что он «Сын Божий, равнодостойный Отцу, - не только абсолютный Бог, но и абсолютный человек. То есть, - объясняет Бердяев, - человек близок к Богу через Христа, а «во Христе – все, в известном смысле, дозволено». [б. – С.214] И далее он поясняет, что человек как часть Бога, его дитя обладает божественным всемогуществом через свое творчество, поэтому Бердяев и ставит выше всего человеческое творчество. А само творчество у него связано, еще раз подчеркнем, с проблемой свободы». [б. – С.213] Более того, человек рассматривается им не только как творец мира, но и как творец самого себя, то есть в творчестве человек совершает переход из царства необходимости в царство свободы, создавая Новый мир. Для царства Божьего, - поясняет свою мысль Бердяев, - творчество человека необходимо. Более того, царство Божье приходит именно и через творческое дело человека. Ибо, творчество человека есть продолжение миротворения... **Творческий акт, в своей первоначальной чистоте направлен на новую жизнь, новое бытие, новое небо и новую Землю, на преображение мира.** [б. – С.214] Эта последняя мысль Бердяева, по крайней мере, говорит за то, что Бердяев хорошо знал марксизм, который подчеркивает способность человека творить новую жизнь, и на этой основе выйти из Царства необходимости в Царство свободы!

Но живя в мире, человек, уступая плоти, а не духу может порождать культуру, культурные ценности, но и антиценности, и цивилизацию, то есть весь тварный мир, который есть объективация, неподлинное бытие. Бердяев и объявляет восстание против всякой ортодоксии и считает бунт самым, что ни на есть оправданным отношением к миру. Например, бунту разума Просвещения против авторитета, бунту французской революции,

бунту Маркса против капитализма, анархистского бунта Бакунина, бунту Л.Толстого, бунту Ницше и т.д. [б. – С.63] И я был бунтарем. «Я бунтовал против мира и его рабьего закона», но, пишет Бердяев, «террор есть возвращение к закону мира, есть послушность этому закону, поэтому бунт Бердяева есть бунт духа и бунт личности, а не плоти и не коллектива. Дух есть свобода, и свобода есть дух». Поэтому-то у Бердяева «тема о бунтарстве, есть «продолжение темы о свободе... В бунтарстве есть страсть к свободе». [б. – С.64] **И поэтому, считает Бердяев, все люди должны быть бунтарями, то есть перестать терпеть рабство.** [б. – С.64] Здесь Бердяев осуждает жестокость, всякую жестокость, но особенно для него, «**отвратительна организованная месть государства**» [б. – С.66] А если привести такую статистику по нашему российскому государству, где 30% осужденных вообще невиновны, 50% - виновны, но не настолько, чтобы быть арестованы и отправлены в зону, (статистика взята из радиопередачи московского радио) то в этих цифрах эта месть государства, действительно, отвратительна. Не случайно, поэтому в последнее время осуществляется некий поворот в сторону смягчения законодательства в отношении тех, кто нарушил закон, но не опасен для общества. И все же несовершенство современной правозащиты просто взывает о себе!

Вот почему идея свободы Н.Бердяева обращена к сегодняшнему дню нашей жизни. Ибо, по мнению Бердяева, «**Свобода есть исключительное достоинство личности**», но в теперешней жизни России на каждом шагу достоинство личности унижается. Виной тому – российский капитализм. Для российского капиталиста погоня за сверхприбылью заслоняет от него идеи нравственности, добра, жалости, сострадания. Рабочий для него – это быдло. Все же прав был Маркс, когда вынес капитализму беспощадный приговор. Поворот России к капитализму с философской позиции Бердяева – это не шаг вперед, а огромный шаг назад, ибо российский капитализм «не вызвал к жизни науку», а загубил ее, а культура в бердяевском ее понимании пришла в упадок. Поэтому возрождение России – в повороте к культуре, и модернизация России должна осуществляться именно на основе культуры (как это произошло, например, в Японии).

Бердяев, возможно, был не современен тогдашней эпохе. Он это с горечью осознавал и отмечал, что современники его не понимают. Не понимают его мыслей, идей, которые «были в глубоком конфликте со временем и были обращены к далекому будущему». «**Я пытался проповедовать человечность в самую безчеловечную эпоху**» - писал Н.А.Бердяев. «Я принужден жить в эпоху, в который торжествует сила враждебная пафосу личности, ненавидящая индивидуальность, желающая подчинить человека безраздельной власти Общего... государству, нации». [б. – С.321] О Н.А.Бердяеве можно сказать словами А.С.Пушкина, что он

подобно Александру Сергеевичу уже в своей «жестокий век восславил он Свободу и милость к падшим призывал».

Литература

1. Каган М.С. Философия культуры. Становление и развитие. – СПб., 1988.
2. Бердяев Н.А. Философия неравенства. – М., 1963.
3. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека// Т.7. Бердяев Н.А. Царство духа и царство Кесаря. – М., 1995.
4. Бердяев Н.А. Смысл истории. – М., 1990.
5. Бердяев Н.А. Философия неравенства. – М., 1991.
6. Ермашин О.Т. Экзистенциальная трактовка русской мысли (Л.Шестов, Н.А.Бердяев). // Философия науки, 2004, № 5, С.103-112.
7. Бердяев Н.А. Самопознание. Проблема человека. К построению христианской антропологии. - Л., 1991.
8. Бердяев Н.А. Самопознание М., «Книга», 1991
9. Бердяев Н.А. Философия свободы: Смысл творчества. – М., «Правда», 1989. – 610 с.